

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

АННА КНЯЗЕВА

ПРОЩАЛЬНЫЙ
ПОЦЕЛУЙ
ГРЕТЫ ГАРБО

Анна Князева
Прощальный
поцелуй Греты Гарбо
Серия «Лионелла Баландовская.
Светский детектив», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27342454

*Анна Князева. Прощальный поцелуй Греты Гарбо: «Э»; Москва; 2017
ISBN 978-5-04-089973-9*

Аннотация

Когда-то актриса Лионелла Баландовская и ее сосед Кирилл были влюблены друг в друга, но их отношения разрушила жена его деда, прославленного режиссера Ефима Ольшанского. Инна Ольшанская, стареющая актриса, ненавидела конкуренток и хитростью избавилась от нее... Спустя много лет Лионелла столкнулась с Кириллом в петербургском отеле при весьма пугающих обстоятельствах – в одном из номеров обнаружили труп мальчика по вызову. В убийстве обвинили Ольшанского: на него указывали все улики. Лионелла решила помочь Кириллу доказать свою невиновность, ведь их до сих пор связывало нечто большее, чем просто воспоминания юности. К их удивлению, следы преступления привели в подмосковный дом Ольшанских, где бесследно исчезли драгоценности его неродной бабки Инны.

Остался лишь портрет Греты Гарбо с отпечатком ее губ – когда-то знаменитую актрису связывал с Ефимом Олышанским страстный роман...

Содержание

Пролог	6
Глава 1	16
Глава 2	31
Глава 3	49
Глава 4	59
Глава 5	69
Глава 6	78
Глава 7	86
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Анна Князева
Прощальный
поцелуй Греты Гарбо

© Князева А., 2017

Пролог

Официант поставил на стол бутылку минеральной воды и три бокала с вином:

– Прошу...

Выждав несколько мгновений и не получив никакой реакции, он удалился.

– Продолжим нашу игру! – Мужчина в смокинге оглядел публику банкетного зала. – Зарядка для ума... Что может быть увлекательнее! Напоминаю наши правила: вы – команда, я задаю вопрос, и, если вы зайдете в тупик, я помогаю подсказкой. Чей теперь черед? – Он подошел к столику, за которым сидели три дамы в вечерних платьях. – Что за красавицы... Я шармирован, обескуражен и буквально готов на крайности!

– Ловлю на слове, – заметила яркая брюнетка в розовом шифоновом платье.

– Бесценная Марго, – мужчина склонился и поцеловал даме ручку, – для вас – особые предпочтения. Какой вопрос пожелаете? Сложный? Или все-таки в поддавки?

– Средний.

– Вам не откажешь в практичности.

– Благодарю... – Марго качнула головой.

– Прошу выбрать эпоху или, по крайней мере, столетие.

– Прошлый век... Предположим, пятидесятые годы.

– Область?

– Искусство.

– Точнее, пожалуйста. – Мужчина изысканно взмахнул кистью руки.

Марго уточнила:

– Кино.

– Ну, предположим... – задумавшись, он обхватил себя руками. – Голливудская киноактриса, по рождению – немка, Марлен Дитрих имела колоссальный успех в кино, не забывая скандализировать общество. В Париже ее могли арестовать за то, что она носила мужской костюм. В Монте-Карло ей было запрещено посещать казино. В Лондоне, из-за того, что Марлен Дитрих не скрывала своих лесбийских предпочтений, ей часто приходилось менять отели.

– Но где же вопрос?

– Вопрос заключается в следующем: на своих выступлениях между песнями Марлен Дитрих по обыкновению уходила за кулисы и делала пару глотков коньяка. Однажды, не рассчитав своих сил и, вероятно, выпив больше обычного, Марлен Дитрих споткнулась и упала в оркестровую яму. Вернувшись на сцену, она допела программу, после чего организаторы вызвали доктора, и тот диагностировал перелом плеча. В ответ на его удивление и вопрос, как же она смогла допеть концерт, Марлен Дитрих сказала... – Мужчина в смокинге заговорил несколько громче: – Так что же сказала Марлен Дитрих?

– Она сказала, что спиртное притупляет боль, – предположила сухая блондинка в голубом декольтированном платье, соседка Марго по столу.

– Близко, но не в точку, любезная Катерина.

– Да ну же, Григорий! Дайте подсказку.

– Хорошо... – Мужчина, названный Григорием, поправил очки и заговорил, обращаясь одновременно ко всем трем дамам, сидевшим за столом: – Как вы знаете, речь идет о середине прошлого столетия. И, если припомнить самое заметное событие того времени...

– Юрий Гагарин – полет в космос!

– Умоляю вас, дорогая... Не думаете же вы, что падение в оркестровую яму Марлен Дитрих сравнила с полетом на Луну?

– Почему бы нет... – Катерина пожала обнаженным плечиком и сморщила нос.

– Должен заметить, что Юрий Алексеевич Гагарин полетел в космос несколько позже. – Ответив на явный вздор, Григорий не утратил любезности. – Уверен, вы знаете, что это произошло в апреле тысяча девятьсот шестьдесят первого года. И вот вам еще одна подсказка. Прославленный писатель Ремарк, боготворивший Марлен Дитрих, назвал ее стальной орхидеей – ведь ей пришлось многое пережить... Так как же Марлен Дитрих прокомментировала свою травму, полученную в результате падения? – Он обратился к третьей сидевшей за столом даме: – Лионелла, вам ли не знать?

Переведя на него скупающий взгляд, дама заметила:

– Это вызов?

– Я спросил для проформы. Не бойтесь ошибаться, неправильный ответ приблизит вас к правильному.

– С него и начну, – проронила она.

– Неужели? – преувеличенно удивленно осведомился Григорий. – Я весь нетерпение.

Лионелла тронула пальцами перламутровый фермуар своей сумочки, исполнив беззвучное арпеджио:

– Марлен Дитрих сказала: «Я пережила две мировых войны, так неужели меня остановит какой-то перелом?»

– Bravo! – Григорий захлопал в ладоши, призывая остальных присоединиться. – Bravo! Безоговорочная победа и лавры победителя трем изумительным красавицам. Но, боже мой, – он вновь заговорил с Лионеллой, – вы абсолютно точно воспроизвели слова Марлен Дитрих. Все выглядит так, как будто вы подготовились.

– Это случайность, – чуть слышно проговорила та и спросила: – Не перебраться ли нам всем на открытую веранду? Жара спала, и там теперь хорошо.

– Не смею возражать. Что касается меня, то я удаляюсь. – Григорий обращался ко всем присутствующим – дюжине хорошо одетых людей. – Игра окончена, и весь этот вечер мне было совершенно замечательно с вами. Я буду по вам скучать!

Одновременно с тем, как он договорил последнюю фразу,

задвигались стулья, и участники игры начали перетекать на открытую веранду ресторана.

Несколько человек обступили Григория.

– Это было незабываемо, – сказала дама неопределенного возраста со следами подтяжек на когда-то красивом лице. Ее сухую жилистую шею отягощало массивное ожерелье марки «Картье» из розового золота с бриллиантами. – Планируете еще одну встречу?

– Мой драгоценный друг, знайте, что я всецело принадлежу вам! – Григорий изъяснялся несколько экзальтированно, однако по его внимательному, холодному взгляду было件件но, что это всего лишь галантность.

– И все-таки?

– Лишь только найду свободное время, и мои помощники тотчас вас известят. – Он вытащил оранжевый платок с вышитым вензелем и вытер вспотевший лоб. – Весьма печально, что не все собрались...

– Вы про Олышанского?

– Кажется, он должен был сидеть за вторым столом.

– Я видела его.

– Неужели?

– Он говорил с портье.

Григорий поднял брови и заинтересованно склонил голову набок:

– В нашей гостинице?

– Да-да, это было в фойе.

– Отчего же он не пришел на игру?

– Откуда мне знать... – сказала дама в «Картье».

Тем временем на открытую веранду переместилась большая часть участников игры. Катерина, Марго и Лионелла расположились в плетеных креслах и, потягивая сухое вино, делились впечатлениями.

– Вы заметили? За вторым столиком были двое: Милена, жена Полторацкого, и Калмыкова с Первого канала, – сказала та, что была в голубом – ее звали Катерина.

– Третий – Кира Ольшанский, – ответила Лионелла. – Но он не пришел.

В разговор вмешалась Марго:

– Слышала, в последнее время Кирилл много пьет.

– Ольшанский всем должен денег. Как говорит мой муж: это – плохая тенденция. – Катерина расправила шлейф плисированной юбки. – Уму непостижимо, как можно было промотать такое наследство.

Лионелла расщелкнула сумочку, достала янтарный мундштук и вставила в него длинную сигаретку. Ее тонкие пальцы двигались чуть замедленно, движения были вычурными и одновременно простыми. Она закурила и проговорила между затяжками:

– Все дело в том... Что наследство досталось ему слишком легко.

– Сколько Ольшанскому лет? – поинтересовалась Марго.

– Около сорока, – ответила Лионелла.

– Нужно заметить, что он – красавчик. То есть я хотела сказать – стильный мужик.

– На любителя, – поморщилась Катерина и, проводив взглядом какую-то пару, заметила: – Не понимаю, для чего богатые мужики женятся на страшненьких.

– Чтобы родилась такая же страшная дочь, и кто-то женится на ней по расчету, – сказала Лионелла и нехотя обронила: – Полнейший вздор... Зачем искать изъяны там, где их нет?

– Ты про Кирилла?

– Нет. Я про тебя. Никто не виноват, дорогая, что твой муж так нехорош собой.

– Ты... ты... – Катерина нервно задышала и подняла глаза к небу, пытаясь унять подступившие слезы.

– У тебя сейчас тушь потечет... – сказала Марго.

Лионелла потушила сигарету и спрятала мундштук в сумочку.

– Не терплю глупость. Это выводит меня из себя. – Она встала с кресла. – Хочешь быть стервой – учись. В противном случае лучше сменить амплуа. Приятной вам ночи. Я, пожалуй, пойду к себе в номер.

Лифт был занят, и Лионелла поднялась на третий этаж по лестнице. Была полночь, и коридор, устланный ковровой дорожкой, был пуст.

Она бесшумно дошагала до двери, отомкнула ее ключом и вошла в номер. Включив свет, повела носом, уловила незна-

комый запах, склонилась, чтобы расстегнуть ремешки туфель, но вместо этого подобрала с ковра зеленую стеклярусную трубочку.

В нескольких сантиметрах от первой лежала вторая, чуть дальше – третья. Последнюю стекляшку Лионелла обнаружила у двери смежного номера. Немного помедлив, она прошла в спальню, открыла шкаф и передернула вешалки, на которых висела одежда. Не обнаружив того, что искала, Лионелла повторила все в обратном порядке, но результат оказался тем же: гипюрового платья, расшитого зеленым стеклярусом, в шкафу не было. Конечно, она могла бы забыть его дома, в Москве, если бы не купила только вчера, когда приехала в Питер.

Лионелла подошла к телефону, взяла трубку и дождалась, когда ответит портье. Но, когда тот ответил, в голову пришла идея получше, не реализовать которую она не могла из-за врожденного любопытства.

– Простите, – сказала Лионелла и нажала отбой.

Спустя мгновение она уже стояла у двери, ведущей в соседний номер, взялась за ручку, и дверь вдруг распахнулась. Радость подтвердившейся догадки испортило удивление: несколько часов назад, уходя на игру, она торкнулась в эту дверь, и та была заперта.

На этот раз Лионелле было что рассказать портье. Она позвонила на ресепшен:

– Прошу зайти в триста двенадцатый.

– У вас что-то случилось? – поинтересовался портье.

– Когда придете – увидите, – ответила Лионелла.

Решив сначала дождаться портье, она все же не выдержала и вторглась в соседний номер. Смириться с банальным воровством в дорогом отеле она не могла.

В прихожей Лионелла услышала звук льющейся воды, доносившийся из ванной. Потом увидела на полу зеленый стеклярус. Следуя от фрагмента к фрагменту, добралась до двери спальни и приоткрыла ее. Там, в разобранной постели, лежал молодой мужчина, одетый в ее зеленое платье...

– Черт бы вас побрал! – воскликнула Лионелла, но тут же услышала за спиной:

– Извольте объясниться! Зачем вы пришли?

Обернувшись, она увидела Григория, который в чем мать родила стоял посреди гостиной.

– Это лучше вам объяснить, зачем ваш приятель украл у меня платье.

– Да вы рехнулись, голубушка... Или употребили наркотик?

В комнату заглянул портье:

– Дверь была открыта, я услышал громкие голоса. Что здесь случилось?

Лионелла вытянула руку и указала на голого Григория, потом на дверь спальни:

– Его друг стащил из моего номера платье!

Портье вежливо отвел глаза от Григория.

– Думаю, вам лучше одеться.

– Спасибо, что нашли время зайти... – Григорий прикрывшись полотенцем, отвесил полупоклон и метнул в Лионеллу остро заточенный, внимательный взгляд: – Простите, что не в цилиндре. Поскольку я в своем номере и намеревался пойти спать, смею поинтересоваться: о каком друге вы говорите?

– Не будем терять время. – Не утруждаясь ответом, Лионелла толкнула дверь и первой вошла в спальню.

За ней в комнату проследовал Григорий, последним – портье.

– Надеюсь, платье – только предлог, чтобы попасть ко мне в номер, – начал Григорий, но, заметив в своей постели одетого в платье мужчину, осекся.

– Кто это? – растерянно произнес он.

Портье приблизился к незнакомцу и тронул за руку, затем повернул его голову, и все увидели круглое отверстие на лбу и кровавое пятно на подушке.

– Мертв...

– Да нет же... – Григорий приблизился к труп. – Когда я уходил, его здесь не было!

– Не будем терять время, – повторила Лионелла и приказала портье: – Немедленно вызывайте полицию.

Глава 1

Полуправда

Григорий Шмельцов не находил себе места. Физически он сидел в кресле, но его руки переживали свою, отдельную жизнь. На письменном столе управляющего не осталось ни одного предмета, не побывавшего в руках Шмельцова.

– Незачем вам так волноваться, – сказал толстошей следователь без возраста, какими бывают крупные мужчины с резкими чертами лица. Особенный, упрямый постав головы придавал ему решительный вид.

– Не трудитесь... – Шмельцов с тоской оглядел кабинет. – Мне хорошо известно: что бы я ни сказал, вы все пересобачите по-своему.

– Как вы сказали? – спросил толстошей.

– Пересобачите.

– Ну, это как вам будет угодно...

– Что?

– Думайте, говорю, как хотите. – Следователь забрал из рук Шмельцова тяжелое пресс-папье. – Оставьте его в покое. Мы здесь в гостях. Управляющий отеля на время предоставил нам свой кабинет.

– Я все понимаю. Слава богу, не дурак... – обиженно проговорил Шмельцов.

Следователь придвинул к нему заполненный бланк протокола:

– Ознакомьтесь и распишитесь.

– У вас нет очков?

– Нет.

– Черт знает что!

– Это претензия? – следователь недовольно повел головой. – Свои нужно иметь.

– Я не рассчитывал, что этой ночью мне придется подписывать протокол.

– Кто-нибудь! – зычно рявкнул толстошей. – Очки принесите!

В кабинет заглянул полицейский:

– У криминалистов есть лупа.

– Давайте!

Шмельцову подали лупу, и он стал придирчиво изучать протокол. Прочитав, постучал ногтем по бумаге:

– Вот здесь...

– Что?

– Я сказал, что, вернувшись в номер, сразу прошел в ванную.

– Ну? – склонив голову, следователь исподлобья глядел на Шмельцова.

– А вы написали: «почти сразу».

– По-вашему, это меняет дело?

– В моем положении важна каждая мелочь.

Следователь вычеркнул слово «почти».

– Подписывайте.

– Надеюсь, вы понимаете, что не я убил того человека. Я даже не знал его, боже мой!

– Тогда как он оказался в вашей постели?

– Опять двадцать пять! Я не зна-а-аю! – Шмельцов нервно схватил подставку для ручек, но толстошей отобрал ее и установил на противоположный край письменного стола.

– Давайте заканчивать.

– Но что будет со мной?

– Пока оставайтесь в отеле.

– В этом же номере? – Шмельцов вскинул руки, как будто ощутил внутренний толчок, готовый превратиться в истерику: – Нет уж, избавьте!

– Можете переехать в другой номер. Я разрешаю. Пишите, – чтобы подтолкнуть допрос к завершению, следователь стал диктовать: – «С моих слов записано верно, мною прочитано...»

Чуть помедлив, Шмельцов начертал стандартную фразу, поставил роспись и устало откинулся в кресле.

– Теперь могу удалиться?

– Можете, – кивнул следователь. – Не забывайте, что вы под подпиской и должны оставаться здесь.

– Не нужно десять раз повторять. – Шмельцов встал и направился к выходу.

Однако когда он приблизился к двери, та распахнулась и на пороге появилась Лионелла.

– За мной прислали полицейского.

– Бalandовская? Из триста двенадцатого? – Следователь сдвинул манжету и взглянул на часы: – Уже три... – Затем поднял глаза и помахал Шмельцову рукой: – А вы ступайте, ступайте...

Лионелла чуть отстранилась, чтобы пропустить Шмельцова, и тот, проходя, тихо заметил:

– Свежа, как утренняя роза...

Но уже через мгновение следователь предъявил ей реальность:

– Садитесь, Бalandовская!

Она опустилась в кресло, где только что сидел Шмельцов.

Глядя на Лионеллу, такую невозмутимую и холеную, невозможно было представить, что, собираясь, она долго выбирала подходящий наряд. Остановившись на строгой юбке, надела белую блузку с массивным кружевом «ришелье». Приколола под воротник бриллиантовую брошь, но тут же сняла, решив, что с брошью ее образ не будет соответствовать заявленным обстоятельствам.

Она – свидетель преступления, а значит – ничего лишнего. Волосы заколола в строгий, но элегантный пучок, помаду выбрала бледную, телесного цвета. Что еще?.. Ах да! Тонкие колготки (не идти же к следователю с голыми ногами). Туфли-лодочки – пудрового модного цвета на неболь-

шом каблуке.

Лионелла не терпела дурновкусия и женской несобранности.

Следователь вытащил из папки незаполненный бланк, бросил его на стол и припечатал тяжелой волосатой рукой.

– Приступим... – Он взял ручку и сделал несколько пробных штрихов. – Не пишет!

– Думаю, управляющий отеля не будет в претензии, если вы позаимствуете одну из его ручек, – подсказала Лионелла.

– Так и сделаем, – толстошей взял хозяйскую ручку. – Ваше полное имя...

– Лионелла Павловна Баландовская.

– О как!

– Вас что-то смутило? – она шевельнула бровью, и следователь почувствовал опасное напряжение.

– Нет, ничего. Что касается меня, все значительно проще: Фирсов Егор Петрович, следователь по особо важным делам Следственного управления по городу Санкт-Петербургу. – Представившись, Фирсов записал ее имя и снова спросил: – Где проживаете?

– В деревне, но прописана в городе. – Лионелла ни на минуту не теряла осанки и, говоря, чуть-чуть наклоняла голову, отдавая должное статусу собеседника.

Тот спросил:

– Адрес?

– Москва, Мансуровский переулок...

Он снова записал и уточнил:

– Фактический адрес проживания, говорите, в деревне?

– Деревня Барвиха, сто тридцать шесть.

– Улица?

– Без улицы. У наших домов – только номера.

– Скупое, но время экономит... Образование?

– Как у всех – высшее.

Фирсов наморщил лоб:

– Не понял. Что значит, как у всех?

– Как у всех нормальных людей.

– Значит, у кого не высшее, тот ненормальный?

– Не нужно утрировать. – Намереваясь поправить прическу, Лионелла вдруг замерла в неловкой, насильственной позе. – Я не это имела в виду.

– Не важно. – Фирсов записал «высшее» и продолжил: – Идем дальше... Кто вы по профессии?

– Я – богатая женщина.

– Хорошая профессия... Пишем – домохозяйка.

– Это – остроумно, – она улыбнулась.

– Теперь расскажите все, что видели этой ночью.

– С какого момента?

– С того, как возвратились в свой номер.

– Была полночь, – начала Лионелла. – Или около того...

Лифт был занят, и я поднялась на этаж по лестнице...

– Встретили кого-нибудь?

– Нет, никого.

– Дальше...

– Вошла в номер – и меня охватило странное чувство... – Она исподтишка взглянула на следователя. – Как бы вам объяснить...

– Так-так... – следователь чуть заметно подался вперед. – Причина?

– Запах.

– Странный? Неприятный?.. – он пробовал угадать.

– Несвойственный.

– Для чего?

– Для гостиничного номера такого уровня.

– Не понимаю. Тогда скажите, какие запахи для вас привычны в гостиничных номерах.

– Запах – пылесоса после уборки, дорогих химических средств и дезодорантов. Обычно к ним примешивается парфюм постояльца. Когда я вернулась в свой номер, почувствовала нечто постороннее, не свойственное номеру и уж тем более мне.

– Охарактеризуйте хотя бы примерно.

– Пахло чужим, приторным, возможно, недорогим одеколоном... Немного сигаретным дымом и еще чем-то специфическим. Такой запах приносят в волосах или в складках одежды.

– Да вы – нюхачка.

– Простите, что? – Лионелла прищурилась. – Как вы ска-
зали?

– У вас хорошее обоняние.

– Не просто хорошее. Ассоциативное, – педантично уточнила она. – Меня всегда увлекала связь между словами, звуками и запахами. И, знаете, тот запах, что я уловила, вернувшись в номер, едва не обернулся воспоминанием.

По лицу следователя было заметно, что он не доверяет подобным субстанциям.

– Что же вы вспомнили? – Фирсов спросил насмешливо, но все же по-доброму.

– Ничего.

– Но, позвольте, вы только что сказали...

– Я сказала, что запах едва не обернулся воспоминанием. – Она повторила: – Едва не обернулся.

– Боже мой, как с вами сложно... – следователь тяжело опустил голову. – Теперь давайте по существу. Зачем вы отправились в смежный номер?

– Не думаете же вы, что в поисках приключений? – Лионелла Баландовская расщелкнула сумочку, достала мундштук и портсигар.

– Здесь не курят, – заметил Фирсов, и она в сердцах закинула все назад. Он повторил вопрос: – Зачем вы пошли в смежный номер?

– На ковре я увидела стеклярус от своего нового платья.

– Не улавливаю связь.

– Он был рассыпан у самой двери.

– Теперь понимаю.

– Сначала я проверила шкаф, и когда поняла, что платье исчезло...

– Заподозрили в краже Шмельцова и отправились в его номер.

– Понятия не имела, кто мой сосед!

– Но вы же знакомы?

– Конечно.

– Давно? – следователь на ходу что-то записывал.

– Целую вечность.

– Это не ответ.

– Точнее не припомню.

– Теперь поясните, почему дверь, соединяющая ваши два номера, была открыта?

– Откуда мне знать? – Лионелла равнодушно пожала плечами. – К слову сказать, когда я уходила, дверь была заперта.

– Из чего следует...

– Что ее отомкнули в мое отсутствие.

– Зачем?

– Это я у вас должна об этом спросить. Вы же полицейский?

– Я – следователь.

– Не вижу существенной разницы.

– Послушайте, – Фирсов всерьез завелся, – у меня складывается впечатление, что вы не говорите всей правды.

– Вот глупость!

– Полуправда мне ни к чему. Или давайте начистоту...

– Или? – Забежав вперед, Лионелла Баландовская проявила редкую наглость, которая была сродни провокации.

Теперь один бог знал, чем все это закончится, но Егор Петрович Фирсов сумел отличить вздорность женского характера от преступного умысла.

– Не будем пикироваться, – сказал он. – Вернемся к началу нашего разговора. Вы заметили стеклярус, проверили платье и отправились в номер Григория Шмельцова.

Лионелла оценила благоразумие следователя и продолжила как ни в чем не бывало:

– Григорий был в ванной.

– Как вы узнали?

– Слышала шум воды.

– Ну, предположим.

– Я прошла по следам стекляруса, заглянула в спальню и увидела там мужчину.

– Вы сразу поняли, что он мертв?

– Нет, – ответила Лионелла, и, кажется, ее ответ не устроил Фирсова.

– Странно...

– На нем было мое платье! – воскликнула она. – О чем еще, кроме этого, я должна была думать?

– И что же вы сделали?

– Ничего. В ту самую минуту из ванной вышел Шмельцов и спросил, что я делаю в его номере. Затем появился портье.

– Этот откуда взялся? – озадачился Фирсов.

– Я сама его вызвала, как только поняла, что меня обокрали.

– Кто первым сообразил, что лежавший в спальне мужчина мертв?

– Портье. Он заметил дырку от выстрела в его голове. И мы все увидели кровь на подушке.

– Из чего следует, что убийство произошло в номере Шмельцова.

– Вам лучше знать. – Собравшись с мыслями, Баландовская задала конкретный вопрос: – Как вы думаете, зачем этот человек надел мое платье?

– Не знаю, – ответил ей Фирсов. – Только не говорите, что я следователь и обязан все знать. Все знает только господь бог. А я, как вы понимаете, не он.

– Ясно... – на ее лице появилось разочарование. – Вам нужно очень стараться, иначе все пойдет прахом.

– Что именно? – спросил Фирсов.

– Следствие развалится.

– Об этом не беспокойтесь. С этим мы справимся. Скажите, украденное у вас платье дорого стоит?

– Оно не дешевое.

– Тогда не понимаю, почему так просто отвалился стеж-
лярус.

– Платье было тесно этому человеку. Он – мужчина, а у меня стандартная эмка.

– Размер вашей одежды?

– Да, эквивалентный сорок шестому. Что касается платья, могу подсказать...

– Избавьте меня от ваших подсказок! Ответ по существу заданного вопроса – вот что мне нужно.

Однако Лионелла, словно бронебойная самоходка, шла напролом:

– Я долго слушала вас. Теперь послушайте вы. Платье было надето в моем номере, и только потом этот мужчина попал в спальню Шмельцова.

– Получается, вам все было известно? – Фирсов подозрительно сузил глаза.

– Не говорите глупости! – одернула его Лионелла. – Стеклорус начал осыпаться сразу, как только ткань растянулась.

– Ах, вот оно что. – Следователь замолчал и в течение нескольких минут заполнял протокол. Затем сказал: – Вернемся к Шмельцову. Вас что-то связывает?

– На что вы намекаете? – Лионелла небрежно бросила на стол свою сумочку. – Я – замужем.

– Прошу объяснить характер ваших взаимоотношений.

– Можете записать: с помощью Григория Шмельцова я убиваю время.

– Боюсь, что это никак не прояснит ситуацию.

– Григорий – известный светский персонаж. Кажется, заслуженный деятель каких-то искусств, кажется, когда-то снимал кино или имел к нему отношение. Несколько лет назад у Шмельцова появилась новая фишка – он придумал со-

бирать богатых людей для участия в интеллектуальной игре, которую назвал «Зарядка для ума». Как видите, ему удалось воплотить в жизнь эту идею.

– Почему игра проходила у нас в Питере? Насколько я знаю, вы с ним москвичи.

– Не только мы с Шмельцовым, – ответила Лионелла. – Все, кто участвовал во вчерашней игре, приехали из Москвы.

– Зачем?

– Новая игра – новое место. В прошлый раз мы были на «Роза Хуторе».

– В Сочи?

– На лыжном курорте недалеко от него.

– Тогда объясните. – Фирсов старательно расправил завернувшийся уголок протокола. – Что с составом участников?

– Их примерно пятьдесят человек.

– В общей сложности?

– Да. Но в каждой игре – не больше пятнадцати. Пять столиков по три человека.

– И все же не понимаю. – Следователь почесал нос кончиком ручки. – Что это за игра? В чем она заключается?

– Один столик – одна команда. Шмельцов задает вопрос, на который невозможно сразу ответить, после чего начинает давать подсказки. Так, путем правильных вопросов и подсказок, находится верный ответ.

– Это как-то оплачивается?

– За участие в игре все мы платим Шмельцову.

– Много? – Затронув этот вопрос, Фирсов поразился тому, как переменялось лицо Баландовской, и понял, что прошелся по краю.

– Этого я вам не скажу, – ответила она сдержанно. – Вопрос денег не обсуждается.

– Ну, хорошо. Сколько вас было на вчерашней игре?

– Немного. Всего – одиннадцать человек.

– Одиннадцать... – повторил следователь и наморщил лоб. – Но позвольте... Вы сказали: один столик – три человека.

– Один столик – одна команда, – уточнила она.

– И все-таки одиннадцать на три не делится.

– Ах, это! Один человек не пришел.

– Кто? – Фирсов был собран, упруг и спокоен. – Имя этого человека?

– Кира Ольшанский. – Лионелла Баландовская поправила волосы, но вдруг осеклась: – Да нет... Не думаете же вы, что Ольшанский мог убить человека?

– Вернемся к игре...

– Нет, вы скажите. Киру в чем-то подозревают?

– Оставим эту тему. Вопрос следственных действий не обсуждается.

– Что ж, – сказала она. – Счет один – один. Можно сказать – ничья.

– Как вы сказали? – Фирсов оторвался от протокола и поднял глаза. – Баландовская... Баландовская... Не та ли это Баландовская?.. Вы не артистка?

– Все в прошлом, – сдержанно ответила Лионелла.

– Я видел ваш фильм. Там была фраза: «счет один – один, можно сказать – ничья». Надо же! Баландовская! Да, вы были звездой.

– Я больше не снимаюсь. Теперь, как вы справедливо заметили, я – домохозяйка.

В кабинет снова заглянул полицейский:

– Разрешите?

– Что еще? – спросил Фирсов.

– Ольшанского привели.

– Что значит – привели? – обеспокоенно вскинулась Лионелла.

– Подписывайте, – следователь ткнул пальцем в конец протокола. – Читайте и подписывайте: «С моих слов записано верно, мною прочитано...»

Глава 2

Заклятые друзья

Лионелла не смогла заснуть даже под утро. Она легла в постель, погасила светильник, но остаток ночи провела в тревоге. То и дело подходила к двери и прислушивалась, нет ли в номере Шмельцова каких-нибудь звуков. Проверив, возвращалась в постель, но уже через минуту, облизывая сухим шершавым языком губы и небо, шлепала босыми ногами к бару. Всю ночь до утра ее мучили тревога и жажда. Виной тому была в том числе духота. Лионелла не включила кондиционер, опасаясь простуды, как будто можно было простудиться при такой-то жаре.

В пять утра, когда лучи солнца вломились в ее комнату, пришлось встать и задернуть шторы. После этого Лионелла наконец-то заснула.

В семь часов раздался громкий стук в дверь. Еще не проснувшись, Лионелла почувствовала, как оборвалось в груди сердце и потом снова заколотилось, но уже у самого горла.

Она прокралась к двери, заглянула в глазок и сразу открыла. В номер ворвалась Катерина и с рыданиями бросилась на грудь Лионелле. Не зная, как реагировать, та сдержанно спросила:

– Что случилось?

– Муж...

Лионелла решила, что уместнее всего обнять Катерину, и обняла ее, уточнив:

– Надеюсь, он жив?

Прорыдавшись, Катерина ответила:

– Жив... Скотина!

Теперь для выяснения обстоятельств ее следовало проводить в гостиную и усадить на диван. Лионелла Баландовская все так и сделала. Принесла бутылку виски и два стакана со льдом. Настало время узнать, чем вызван столь ранний визит.

Катерина залпом выпила четверть стакана и заговорила с бешеной, навязчивой доверительностью, как будто до этого они с Лионеллой только и делали, что выкладывали друг другу свои секреты:

– Он бросил меня! Так и сказал: я развожусь. Животное! У него есть другая баба. Не понимаю, кому еще нужен этот урод. Если бы не его деньги... Стремно рассказывать, но, когда он лежит со мной рядом в постели, меня буквально выворачивает от омерзения. Видела бы ты его голым: слоистый волосатый червяк...

– Послушай, – прервала ее Лионелла. – Ты уверена?

– В чем? – Катерина впала в кратковременный ступор.

– В том, что Мишель тебя бросил.

– Он сам так сказал.

– Когда?

– Этим утром.

Баландовская взглянула на часы:

– Семь ноль пять. Когда вы успели поговорить?

– Четверть часа назад.

– Он сам тебе позвонил?

– Нет. Я ему позвонила.

– Глупо звонить мужчине так рано, он может быть не один.

– Все так и было, – всхлипнула Катерина.

– Значит, ты сама нарвалась. Кстати, насчет его денег... – Лионелла взяла со стола мундштук и достала из портсигара сигарету. Прикурив ее, выдохнула вместе с дымом: – Тебе стоит позвонить адвокату.

Начав разговор сумбурно, Катерина продолжила его весьма прагматично:

– В десять часов позвоню.

– Много отсудить вряд ли получится. У вас, как я слышала, брачный контракт?

– Пусть не думает, что бросил никчемную дуру, которая только и знает, что плакать от горя. Не велика потеря! Лучше найдем!

– Прежде чем искать лучше, – рассудительно заметила Лионелла, – стоит отсудить то, что возможно.

– Дом, квартиру в Москве и пару миллионов. Большого взять не смогу.

– Долларов, надеюсь? – Лионелла медленно затянулась и выпустила из губ голубоватую струйку дыма.

– А кто говорит про рубли? – Катерина пришла в себя, по ней было видно, что она уже торит свой жизненный путь в предвкушении грядущих свершений.

Вскоре Катерина ушла. Мысленно поблагодарив ее за уход, Лионелла начала одеваться к завтраку. Сборы омрачились тем, что она не нашла свой телефон. Их было три, и особой трагедии не случилось, если не принимать во внимание, что это был золотой Vertu в стразах Сваровски.

Еще ночью, когда в ее номере были криминалисты, Лионелла попыталась найти мобильник, но внимание отвлекла занятная процедура забора проб воздуха. Следователь Фирсов потребовал сделать исследование подобного рода, и криминалисты приволокли странный агрегат с двумя стеклянными колбами, установив его на треногу в гостиной. В течение получаса он шумно втягивал воздух и, кажется, был неисправен. На вопрос Лионеллы, когда будет результат, человек, который принес, а потом унес газоанализатор, незаинтересованно хмыкнул:

– Этого я вам сказать не могу.

И было неясно: то ли он сам не может сказать, то ли ему запрещено говорить.

Несмотря на все перипетии прошедшей ночи, Лионелла ощущала странное безразличие. Ей меньше всего хотелось копаться в самой себе и в сложившейся ситуации. Надев

пестрое шифоновое платье и красные босоножки, она приказала себе быть счастливой.

В ресторанном зале для завтрака к этому часу присутствовало всего несколько человек, трое из которых были официантами. Лионелла села за столик и подозвала одного:

– Кофе. Черный. Без сахара.

– Что-нибудь еще? – Это был тот самый парень, что обслуживал их столик вчера во время игры.

Она дружелюбно кивнула:

– Круассан с грушевым вареньем.

С круассаном был перебор, и Лионелла пообещала себе, что, когда все закончится, она пойдет в спортивный зал или, по крайней мере, в бассейн.

Под словом «все» подразумевалась история с убийством в номере Шмельцова. Убитый был в ее платье, значит, она – участник событий и должна сыграть свою роль.

Когда официант принес кофе, в зале появились Марго с Катериной. Последняя уже трансформировалась, к ней вернулись привычные горделивость и самолюбование. Сущая безделица – развод с мужем к завтраку был освоен и определен по шкале важности где-то между чисткой зубов и звонком адвокату.

Они сели за стол к Лионелле, но заговорить не успели, потому что в тот самый момент на завтрак пришел Григорий Шмельцов. Он был отрешен, элегантен и, судя по тоске в припухших глазах, старался избежать ненужных контак-

тов. Оглядев зал, Григорий выбрал самую безлюдную часть и, не удостоив взглядом ни одного из присутствующих, ограничился одним общим кивком.

Все, что происходило тем утром в ресторане отеля, было занимательным. Следующим в ряду событий стало появление красивого мужчины лет сорока, одетого с небрежной, но продуманной светскостью. Вел себя он в этом же стиле: всех видел, многих знал, однако никого не выделял для общения. Рассеянно оглядевшись, сел за свободный столик и уткнулся взглядом в окно.

Те, кто знал Кирилла Ольшанского (а это был он), с интересом наблюдали за ним. Особенно женщины, они всегда выделяли его, где бы он ни был.

Быстрые официанты сновали по залу, Шмельцов ел молочную кашу, Ольшанскому принесли кофе и сок.

– Интересно, чем все это закончится, – пригнувшись к столу, доверительно пробормотала Марго. – Я имею в виду убийство.

– Шмельцов давно притягивал к себе неприятности, – заметила Катерина и, взглянув на Баландовскую с обидой, сказала: – Ты не рассказала мне об убийстве.

– Тебе было не до того, – ответила Лионелла.

– Видела труп?

– Следователь попросил не слишком распространяться об этом, – сказав так, Лионелла покривила душой, ни о чем таком он ее не просил.

Но едва вспомнив о следователе, она увидела его самого.

– Прошу прощения... – Фирсов повернул мощную шею, оглядел сидевших за столиком дам и остановился на Лионелле: – Нужно поговорить.

– Сейчас? – удивилась она.

– Жду вас в баре. Приходите туда, как только позавтракаете.

Фирсов удалился. Теперь стало заметно, какой сокрушительный эффект произвело его появление. В зале сделалось тихо, и все взгляды были обращены на Лионеллу.

Она же думала лишь о том, что допустила непростительную промашку с платьем, которое не вписывалось в текущую мизансцену и ситуацию в целом. Прервав завтрак, Лионелла поднялась к себе в номер и переоделась в другое платье – приятного серого цвета в белый горошек.

Когда она вошла в бар, сразу увидела следователя, поскольку не заметить его большую фигуру не представлялось возможным. Он сидел на высоком табурете за стойкой и пил кофе, судя по размерам мизерной чашки – эспрессо.

– К счастью – отель маленький, – сказал Фирсов тихо, но внятно.

Лионелла услышала его издали и подошла ближе:

– Вы это к чему?

– В баре никого нет кроме нас и бармена. Сок или кофе?

– Стакан минералки.

Бармен поставил перед ней стакан минералки, после чего

удалился.

– А я вот с чашечкой кофе... Спать еще не ложился. – Фирсов нехотя улыбнулся, показывая всем своим видом, что с ним можно держаться откровенно и просто. – Надеюсь, вы поняли, это не вопрос...

– Что вам нужно?

– Информацию об одном человеке.

– С чего вы решили, что она у меня есть? – сдержанно поинтересовалась Баландовская, испытав при этом чувство, похожее на досаду. – Мне кажется, в вашем ведомстве можно отыскать информацию на любого из нас.

– Вы дружны с Кириллом Ольшанским?

– Настолько, что на завтраке он даже не поздоровался.

– У него есть все основания для подобной забывчивости.

Мы с ним попрощались сорок минут назад.

– О чем говорили? – спросила Лионелла.

– Ждете, что все вам расскажу?

– Нет.

– Тогда зачем спрашивать?

– Что ж, давайте эту тему оставим... – Лионелла дала понять, что готова принять любое его решение, если оно продиктовано интересами следствия.

Следователь задал новый вопрос:

– Ольшанский – это псевдоним? Ведь он, кажется, художник?..

– Это настоящая фамилия Киры.

– Киры? – Фирсов склонил голову набок, словно прислушиваясь.

– Кирилл... Кира... Друзья зовут его так.

– Режиссер Ефим Олышанский никем ему не приходится?

– Кирилл – его внук, – сказала Лионелла.

– Вот оно как!

– Мир тесен.

– Не терплю бессмысленных фраз.

– Еще их называют крылатыми, – усмехнулась она. – Иногда банальные фразы звучат откровением.

– Вернемся к затронутой теме. Ефим Олышанский был заметной фигурой в советском кинематографе и, кажется, состоятельным человеком. Отпрыски таких людей рождаются с золотой ложкой во рту.

– Отец Кирилла погиб молодым. Так что наследство дед оставил ему.

– Деньги?

– Не только. Кроме денег – три московские квартиры, дача с двумя гектарами земли и прочие ценности.

Оживившись, Фирсов любопытствовал:

– Что подразумевается под прочими ценностями?

– Во-первых, драгоценности Инессы Олышанской.

– Она была великой актрисой.

– Великой актрисой и второй женой великого режиссера.

Кирилл, кстати, не ее внук.

– Вы сказали – во-первых... – следовательно говорил отчет-

ливым, ясным голосом.

– Что? – не поняла Лионелла.

– Драгоценности жены – это во-первых.

– Мутная история. Большая часть ювелирных украшений исчезла еще до смерти Ольшанской. Между тем она владела редкими сокровищами.

– Что во-вторых?

– Бесчисленное множество предметов искусства. Как вы понимаете, Кирилл стал художником не на пустом месте.

– Что-то я не видел его картин.

– Думаете, их видел кто-то другой? – Лионелла пожала плечами. – Просто все привыкли считать Кирилла художником. Кстати, он окончил Академию художеств здесь, в Санкт-Петербурге.

– Вернемся к предметам искусства, – напомнил ей Фирсов.

– Это бессмысленно. Кирилл все промотал. К примеру, глиняная тарелка, расписанная Пабло Пикассо, ушла за бутылку вина.

– Подвержен?

– В каком смысле?

– Пьет?

– Не больше других. Как вы знаете, выпивка в среде художников – обычное дело. Кирилл Ольшанский – безалаберный человек. Пришли друзья, денег нет, снял со стены тарелку – и вуаля! К слову, о бессмысленных фразах: то, что

легко досталось, не очень ценится.

– В этой фразе – глубокий смысл, – сказал Фирсов, и Лионелла улыбнулась:

– Наконец-то вы хоть в чем-то согласились со мной.

Егор Петрович замолчал, и было ясно, что он ищет нужный вопрос. В конце концов вопрос прозвучал:

– Олышанский нуждается в средствах?

– Об этом все знают. Он – на мели.

– Что не помешало потратить приличную сумму за участие во вчерашней игре.

– Не знаю, что взбрело ему в голову. «Зарядка для ума» подходит для скучающих дам и вышедших в тираж стариков. Но, как вы знаете, Кирилл на игру не пришел.

– Мне это известно.

Лионелла Баландовская отстранилась, чтобы оглядеть собеседника. В ее голосе послышалась напряженность:

– Вы хотите обвинить Киру в убийстве?

– С чего вы это взяли?

– Тогда к чему такие вопросы?

– Кажется, ясно: ведутся следственные действия.

– Тогда вот вам крылатая фраза: бедность не порок. Помните, как у Островского? Если человек не имеет средств, это не вина его, а беда. Олышанский тут ни при чем.

– Откуда такое категоричное суждение?

– Я слишком хорошо его знаю.

– Тогда вопрос в тему: какой характер носят ваши с ним

отношения?

– Этот же вопрос вы задавали мне про Шмельцова. – Лионелла царственным жестом взяла стакан с минералкой и, не торопясь, отпила. – Не думаете же вы, что я сплю с каждым своим знакомым?

Фирсов повинулся:

– Не хотел вас обидеть. Из всего сказанного делаю вывод: вы с Ольшанским – друзья.

– С этого мы и начали, – благосклонно отозвалась Лионелла.

– Что еще можете рассказать?

– О Кире?

– Ну, раз уж мы о нем говорим... На какие средства он существует?

– Меня это никогда не интересовало. Возможно, продает картины.

– Которых никто не видел? – вопрос следователя прозвучал с долей иронии. – Вы сами рассказали, что все ценности, доставшиеся Кириллу от деда, были им спущены...

– Не все... – заметила Лионелла.

– Значит, что-то у него все же осталось?

– Несколько любимых картин и коллекция цветного стекла, которую собрала его мать. То, что я знаю... Возможно, осталось что-то еще.

– Где все это хранится?

– На даче.

– Ага... – Фирсов отставил чашку. – Значит, дача все еще в его собственности. Где она, кстати, находится?

– В Барвихе.

– Насколько я помню, вы проживаете в той же деревне.

– Если вас интересуют подробности – мы с Ольшанским соседи, – ответила Лионелла.

– Насколько?

– Ближе некуда. Нас разделяет только забор.

Фирсов несколько оживился:

– В таком случае вы многое о нем знаете.

Она вскинула брови, слегка повела головой и отпила немного воды.

– Забор очень высокий.

– Послушайте... – Фирсов отвел разочарованный взгляд и уставился в стену. – Еще вчера я сказал вам, что мне не нужна полуправда. Не желаете говорить – скатертью дорога. Я вас не задерживаю.

Такой поворот событий не входил в планы Лионеллы. Все теряло смысл: скромное платье в горошек и белый кружевной воротник. Созданный образ рассыпался, и Лионелла решила прекратить всякое резонерство. Если она не свидетель, тогда кто она? Лишиться такого развлечения было бы глупо.

– Кирилл – своеобразный человек, – заговорила Лионелла более доверительно. – Не терпит никаких обязательств.

– Значит, у него нет долгов?

– Вовсе нет. К долгам он относится очень терпимо. Я бы

сказала, легкомысленно.

– Многим задолжал?

– Слышала – да.

– У вас брал взаймы?

Она решительно покачала головой:

– Никогда!

Тогда Фирсов сказал:

– А мне всегда казалось, что к друзьям за помощью идут в первую очередь.

– Не в нашем случае, – промолвила Лионелла, и то, как сдержанно она поправила волосы, озадачило следователя.

– Объясните, – сказал он отрывисто.

– Ну, хорошо... В юности мы с Кирой встречались.

– Ага... – проронив только одно слово, Фирсов дал понять, что ждет продолжения.

– Нам было по семнадцать, и мы хотели пожениться.

– Не вышло?

– Как видите – нет. Обстоятельства сложились так, что нам пришлось расстаться. – Лионелла холодно взглянула на следователя. – Впрочем, к убийству это не имеет никакого отношения.

– Пока – никакого.

– Мне кажется или вы запугиваете меня? – поинтересовалась она.

– Напоминаю: вы можете встать и уйти.

И даже после этих слов Лионелла Баландовская осталась

сидеть.

– Вот видите, вам этот разговор нужен не меньше, чем мне, – сказал Фирсов. – Значит, вы с Олышанским знакомы давно?

– С детства. Дачи наших родителей были рядом.

– Это я уяснил.

– В те времена все было проще: и люди, и отношения, и привычки. Заборы были не такими высокими.

– Вы знали его деда?

Прищурившись, Лионелла спросила:

– Это любопытство?

– Чистейшей воды, – признался ей Фирсов. – Так знали или нет?

– Знала. И очень хорошо.

– Инессу Олышанскую – тоже?

– Она жила обособленно, и, когда бывала на даче, к ним никого не пускали. Когда же они с Ефимом Аркадьевичем уезжали на съемки или на какой-нибудь кинофестиваль, мы с Кириллом бегали по всему дому. Я знаю каждый его уголок, картины и предметы искусства.

– Олышанский оставался с родителями?

– С ним оставалась нянька Матрена. Она была доброй старухой. К тому времени Кира стал сиротой. Он сильно любил свою покойную мать. Однажды я разбила фигурку из ее стеклянной коллекции... – Лионелла грустно улыбнулась. – Кирилл чуть меня не убил.

Услышав телефонный звонок, она достала из сумочки трубку:

– Простите. – И, чуть отвернувшись, поднесла к уху мобильник: – Слушаю, Лев...

– Как дела? – Муж говорил в обычной своей манере, так, словно они расстались этим же утром.

На самом деле супруги не виделись больше месяца. Сначала он уехал по неотложным делам в Швейцарию. Потом она – в Ниццу. По возвращении в Москву Лионелла и Лев разминулись на пару часов: он улетел в Германию, она – в Санкт-Петербург на игру.

– Здравствуй, милый. У меня все хорошо.

– Кажется, ты планировала сегодня вернуться?

– Я задержусь.

– Надолго? – в его голосе не было недовольства. Казалось, он с равным одобрением принимает любое ее решение.

– Несколько дней, – проговорила она.

– В таком случае увидимся через неделю, после того как я вернусь из Пекина.

– Когда уезжаешь?

– Самолет – через три часа.

– Счастливого полета. Целую тебя. – Спрятав мобильник, Лионелла удивленно посмотрела на следователя: – В чем дело?

Тот спросил:

– Вы не сказали ему?

– О чем?

– Об убийстве.

– Зачем?

– Зная возможности вашего мужа, я предполагал, что сегодня из Москвы вылетит взвод адвокатов.

– Глупости... – сказала Лионелла. – Адвокаты мне не нужны. Что касается мужа, он – человек занятой, ему хватает своих забот. Лучше объясните, к чему все эти расспросы? Зачем вам Ольшанский? Мне кажется, вы чего-то недоговариваете.

– У меня такое же чувство, – заметил следователь.

– Вам удалось что-нибудь выяснить? Например, установить личность убитого?

Фирсов посмотрел на часы:

– Начало девятого...

– Я поняла, – сказала Лионелла. – С момента убийства прошло слишком мало времени. Но, возможно, вы нашли отпечатки пальцев или следы?

– Это – да, – устало заметил следователь.

– И, конечно, улики?

– Благодарю вас за то, что нашли время.

Лионелла не собиралась просто так отступить:

– Вы хотите сказать...

– Что наш разговор окончен, – крикнув, следователь сполз с высокого табурета и энергично подрыгал мускулистой ногой, расправляя смятую брючину.

Лионелла тоже спустилась на пол, встала напротив и, глядя на него снизу вверх, спросила:

– Кто вам сказал, что мы с Ольшанским знакомы?

– Ни за что не догадаетесь... – Фирсов глумливо прищурился, но Лионелла Баландовская повторила на тон выше:

– Кто?!

– У каждого из нас есть заклятые друзья.

– И подруги... – чуть слышно проронила она.

Глава 3

Петров день

Лионелла была уверена – всего пару минут назад она видела Кирилла Ольшанского. Он заглянул в бар и мгновенно исчез.

Она вышла в холл, Ольшанского там не было. К ней подошла жена колбасного короля Полторацкого. В этот утренний час ее тощую шею овивало широкое жемчужное ожерелье. Как говорили, под украшениями она прятала шрам от операции на щитовидке.

Милена Полторацкая чмокнула Лионеллу около уха:

– Сочувствую тебе, дорогая. Все только и говорят про это убийство. Многие из наших съехали из отеля. Как говорят, подальше от неприятностей. Остались только Марго, Катерина и Жанна Калмыкова.

– Из «Светской хроники»? – спросила Лионелла.

– Руку даю на отсечение, Калмыкова сегодня же явится к тебе с расспросами, того и гляди, с камерой. Ты знаешь, какими ужасными бывают эти телевизионщики. – Заметив, что Лионелла кого-то ищет глазами, Милена предположила: – Тебе нужен Шмельцов? Можешь не искать. Он, словно зачумленный, сидит в своем номере. То есть номер он, конечно, сменил. Никто не захочет жить там, где был убит

человек. Сегодня на завтрак мы все увидели его буквально другими глазами. На нем всегда стояла печать порока. И как только раньше не разглядели. Одного жаль: без него игры больше не будет.

– Ты думаешь, убийца – Шмельцов?

– Кто же еще? – удивилась Милена. – Что тебе рассказал следователь?

– Сказал, что идет расследование.

– Да ну же! Наверняка ты что-то скрываешь! – Перейдя на полупшепот, Милена чистосердечно заверила: – Ты ведь знаешь, я – никому...

Вполуха слушая Полторацкую, Лионелла тем временем искала глазами Ольшанского. Но в большом, со вкусом декорированном холле, кроме них и портье, был только один человек. Он сидел в огромном старинном кресле. На нем были холщовые брюки и русская косоворотка с вышитым краем. Простецкая одежда никак не сочеталась с окружающей роскошью.

Перехватив взгляд Лионеллы, Милена взяла ее под руку и подвела к сидящему человеку:

– Знакомься, Лина. Мой наставник, старец Порфирий.

Это был семидесятилетний мужчина крестьянского типа, с простым широким лицом и стянутым вниз, плоским носом. На его некрасивых натруженных пальцах были два перстня с черными, как уголь, камнями. Выглядели они чужеродно, и Лионелле подумалось: это должно что-то значить.

– Сегодня Петров день, – сказал Порфирий и отвернулся.

«Что в этом такого? – подумала Лионелла. – И почему это прозвучало так значительно?»

– Порфирий – славянский колдун. Я с большим трудом отвоевала его у банкирши Трифоновой. К счастью, она вовремя привезла себе из Бурятии забайкальского шамана.

– Зачем он тебе? – спросила Лионелла.

– Сейчас увидишь... – Милена тронула Порфирия за руку: – Скажи, старец, рабе грешной Лионелле.

Тот повернулся и тихо обронил:

– Марии скажу.

– Очнись, батюшка, за Лионеллу прошу, – заговорщицеским шепотом проговорила Милена, но Бalandовская остановила ее:

– Пусть скажет Марии.

Воспользовавшись легким замешательством, какое обычно предшествует чему-то особенно важному, Лионелла оттеснила Милену и склонилась к Порфирию.

– Скажи...

– Не думаешь о плохом. Это – зря.

Лионелла опустила на корточки, заглянула ему в лицо и вдруг прониклась доверием к этому терпеливому, тихому человеку:

– Объясни...

– Остерегаться тебе нужно, голубка.

– Чего?

– Хватит... – Милена потянула ее, заставив подняться на ноги. – Большого он не скажет.

– Чего остерегаться? – растерянно переспросила Лионелла.

– Петров день сегодня. – Произнося эти слова, старец посмотрел на нее зелеными молодыми глазами.

Тем временем от входной двери к ним шагал невысокий, плотный мужчина в костюме. В его руках были цветы.

– Лионелла Бalandовская! – приблизившись, он приложился губами к ее руке. – Честь! Огромная честь. – Вспомнив про цветы, мужчина протянул Лионелле букет.

– Кто вы? – поинтересовалась она.

– Разрешите представиться, Терсков, хозяин этого отеля. Как только узнал, что вы у меня в гостях, сразу – сюда!

– Зачем?

– Являюсь почитателем вашей игры. Хотелось бы знать, когда выйдет следующий фильм с вашим участием?

– Я больше не снимаюсь. – Лионелла опустила глаза и обернулась на кресло, в котором только что сидел старец Порфирий. Там никого не было.

– Могу пригласить вас на ужин? – поинтересовался Терсков и добавил, предупреждая отказ: – Окажите мне честь.

– Вряд ли я задержусь здесь до вечера.

– Ах, как жаль!

Помедлив, Лионелла все же сказала:

– Хотя подождите... Как вас зовут?

– Петр. – От чрезмерной любезности на его лице выступил пот.

– Я согласна. Давайте встретимся в семь.

Он кивнул, и ни один волосок не дрогнул на его голове, из чего следовало, что прическу тщательно уложили и побрызгали лаком. Лионелла ни разу не встречалась с мужчинами, которые используют лак. Артисты были не в счет.

– Счастлив... – выдавил из себя Терсков, и Лионелле показалось, что в его глазах блеснула слеза умиления.

– Мне нужно идти, – сказала она и отошла к Полторацкой. – Куда делся Порфирий?

Та ответила:

– У него – время молитвы.

– Где он живет?

– На верхнем этаже, рядом со мной.

– Мне нужно его увидеть.

– Ничего не выйдет, – проговорила Милена. – По крайней мере, до завтра. Послушай, что за Мария? О ком говорил старец?

– Я пойду. – Не заботясь о том, что скажет Полторацкая, Лионелла направилась к лестнице.

Терсков проводил ее взглядом.

– Какая женщина, – тихо прошептал он и вытер вспотевшую ладонь о пиджак.

Поднявшись на этаж и не дойдя до двери всего несколько метров, Лионелла краем глаза увидела Катерину и притвори-

лась, что не заметила, но та окликнула ее и подошла ближе:

– Слышала новость?

– Нет, – сказав первое, что пришло в голову, Лионелла застыла. Следующая ее фраза была обращена в пустоту: – Что еще случилось в этом отеле?

– Олышанский...

Лионелла чуть напряглась, но тут же совладала с собой:

– Что с ним?

– Он был в номере у Шмельцова.

– Ну и что? Они знают друг друга.

– Дело в том, что это случилось вчера.

– В каком часу?

– Перед самым убийством. – Катерина сделала большие глаза. – Или в то же самое время.

– Будь это правдой, Шмельцов бы рассказал следователю.

– Может, и сказал.

– Тебе откуда это известно?

– Шепнул на ушко знающий человек.

Лионелла вцепилась в локоть Катерины и зло улыбнулась:

– У тебя развод на носу, а ты слухи по отелю разносишь. Собирай вещи и дуй в Москву. Знаешь, чем занят твой слоистый червяк? Мишель Петухов прячет активы, чтобы тебе при разводе достался кукиш без масла.

– С этим я разберусь сама, – огрызнулась Катерина и, развернувшись на каблуках, направилась прочь.

Войдя в свой номер, Лионелла прошла в гостиную, взяла

телефон и хлопнулась на диван, чтобы отыскать в Интернете что-нибудь про Петров день. Новейший телефон с огромным дисплеем подходил для этой цели как нельзя лучше. Однако, вспомнив про потерянный Vertu, она испытала чувство легкой досады.

Первая информация оказалась такой: Петров день по народному календарю славян – день окончания «купальских праздников», которые, в свою очередь, являлись продолжением дня Ивана Купалы. В ночь на Ивана Купалу славяне выбирали суженых, в знак любви обменивались цветочными венками и, взявшись за руки, прыгали через костер. Совершали также особый, магический обряд – поиск цветущего папоротника, растения бога Перуна – громовержца, подателя дождя и покровителя русского воинства.

Обновив поиск, она выяснила, что Петра называли ключником, хранителем ключей от небесного царства. Согласно поверьям, в этот день из рек уходили все русалки, обитавшие там с праздника Троицы.

Лионелла перевернулась на спину. Исход сказочных персонажей показался ей вполне романтическим, как и факт ночных поисков цветущего папоротника.

Развлечения ради она представила себя русалкой и, вытянув носки, пошевелила воображаемым хвостом, как вдруг увидела, что дверь, ведущая в смежный номер, тихо открылась.

За долю секунды Лионелла скатилась на пол и спряталась

за диван. Послышались шаги, и кто-то сказал:

– Лионелла... Не ребячьтесь.

Услышав свое имя, она зажала рукой рот и припала к стене.

Через мгновение перед ней возникли дорогие мужские ботинки из перфорированной кожи с острыми мысками.

– Я знаю, что вы здесь.

Она подняла голову и увидела Григория Шмельцова.

– Как вы смеете?! Прошу выйти вон! – выбросив перед собой руку, Лионелла указала на дверь, но сама почувствовала, как неубедительно это выглядело.

Шмельцов сел на диван и положил ногу на ногу.

– Идите сюда, здесь вам будет удобнее.

Лионелла поднялась на ноги, но рядом со Шмельцовым не села.

– Что это значит?

– То же самое я хотел спросить у вас. Я зашел в свой бывший номер забрать свои вещи и вдруг обнаружил, что дверь между номерами снова открыта. Естественное желание порядочного человека – убедиться, все ли у вас в порядке.

– Врете. Я слышала, как вы открывали ключом замок. – Лионелла сказала так, хотя ничего такого не слышала.

Шмельцов сдался слишком легко:

– Вас не провести...

– Зачем вы пришли?

– Нам нужно поговорить без свидетелей, – он выпрямил

спину и заглянул ей в глаза. — Я должен вас предупредить...

— Пойдите... Сначала вы должны сказать, откуда у вас ключ?

— Он лежал в номере.

— То есть вчера вечером ключ был у вас?

— Нет, — Шмельцов обеспокоенно покачал головой. — Я нашел его десять минут назад, после чего решился на это вторжение. Причина заключается в следующем: никто не должен знать, что мы говорили.

— Не понимаю, как вы посмели...

— Должен заметить, у вас крепкие нервы. Любая другая женщина не осталась бы здесь на ночь после того, что случилось.

— Я позвоню Фирсову!

— И что вы ему скажете?

— Что вы ведете какую-то игру.

— Недоказуемо. Вот вам совет: поскорее уезжайте в Москву.

— А сами что же?

— Я не могу.

— Почему?

— Я — под подпиской. Меня, вероятно, подозревают в убийстве.

— В таком случае вам нужен адвокат.

— Даже два, — он посмотрел на часы. — С минуты на минуту они будут здесь.

– Значит, вы ввалились в мой номер лишь для того, чтобы отправить меня в Москву?

– Нет, не только. У меня есть важное сообщение. Это касается вашего зеленого платья... – Вдруг Шмельцов замолчал и с тревогой спросил: – Вы ничего не слышали?

– Я? – Лионелла чуть напряглась. – Нет, ничего.

– Кажется, у вашей двери кто-то стоит.

– С чего вы решили? – Она встала и приблизилась к двери. Не глядя в глазок, спросила: – Кто там?

Из коридора послышалось:

– Открой, Маша.

Шмельцов подскочил с дивана и бросился в смежный номер, обронив на ходу:

– Я должен откланяться.

Проводив его взглядом, Лионелла открыла дверь и увидела на пороге Ольшанского.

– Входи, Кира. – Она впустила его в номер и закрыла дверь на ключ.

Глава 4

Бинго

Лионелла всей своей кожей чувствовала, что каждое сказанное слово сейчас будет ложью или бестактностью. Всего четверть часа назад она говорила о Кирилле со следователем, а теперь стоит лицом к лицу с ним самим.

И все же нужные слова отыскиались.

– Выпить хочешь? – спросила она.

– Виски, пожалуйста.

Отвернувшись, Лионелла испытала временное облегчение, по крайней мере так не нужно было ничего говорить. Она достала из буфета бокалы, из холодильника – лед, и пока наливала виски, перед ее глазами пронеслась жизненная лента событий, связанных с Кириллом Ольшанским.

В последние годы они виделись редко, и всегда – на людях. Здоровались, конечно, иногда говорили, только наедине – никогда.

Как тут не сказать: странная штука жизнь. Живут два юных человека, любят друг друга, и кажется, впереди у них – счастливое завтра. Но завтра так и не наступило – жизнь обманула их.

В те давние времена ее звали Марией. Киношный псевдоним «Лионелла Баландовская» придумала помощник ре-

жиссера на съемках первого фильма, объяснив это тем, что с иностранным именем артист продается лучше.

Еще в юности Мария-Лионелла знала, чего хочет от жизни: во-первых, стать кинозвездой, во-вторых, выйти замуж за Киру. Но если бы тогда, больше двадцати лет назад, кто-нибудь сказал ей, что ни того, ни другого с ней не случится, она бы свела счеты с жизнью, в большей степени из-за Кирилла.

Детская дружба со временем переросла в страстное, почти звериное чувство. К семнадцати годам Лионелла и Кирилл так «сплавились», слились воедино, что буквально пропитались друг другом. Близкие люди предостерегали: небезопасно так отдаваться любви, ничем хорошим это не кончится. Так и случилось...

Родители Марии-Лионеллы ничего не имели против брака с внуком Олышанского. Сам Ефим Аркадьевич не интересовался выбором Кирилла и не замечал ничего, что не относилось бы к съемкам кино.

Чего нельзя было сказать о его молодой жене. Впрочем, молодой Инессе Олышанскую можно было назвать в сравнении с мужем. Ефиму Аркадьевичу в ту пору было за восемьдесят, ей – почти пятьдесят. Сказать, что Инесса не любила соседскую девочку, было бы неправильно. Лет до пятнадцати она не замечала ее. Но когда Маша оформилась в прекрасную девушку, Инесса Олышанская возненавидела ее со всей зрелой мощью стареющей женщины и актрисы.

Тот проливной дождь и тот вечер Лионелла запомнила на всю оставшуюся жизнь. Она прибежала на дачу к Ольшанским, чтобы увидеть Кирилла.

Вопреки обыкновению, дверь открыла сама Инесса. Маша стояла на пороге дома несчастная, испуганная, с выбившимися из-под шляпки мокрыми волосами.

– Мне нужен Кирилл.

– Его нет, – сказала Ольшанская.

– Я знаю, что он дома. – Похожая на мокрую раненую птичку, она рвалась навстречу любимому, страшась его потерять.

– Тебе лучше уйти.

– Кирилл! – крикнула Маша.

И вдруг знаменитая актриса Ольшанская заорала скандальным бабьим голосом:

– Пошла вон! Дешевка подзаборная!

Когда захлопнулась дверь, у Маши отнялись ноги, и она упала там, на крыльце. Домой ее, мокрую и больную, принес на руках отец.

...Лионелла взяла стаканы с виски и чуть задержалась. Бессмысленность всяких слов и в то же время невозможность молчать заводили ее в тупик.

Преодолев себя, она обернулась:

– Виски, – ее голос прозвучал ниже обычного, в каком-то грудном, чувственном регистре.

Кирилл взял стакан, выпил и подошел к окну, как будто

его что-то заинтересовало на улице. Вероятно, ему тоже было не по себе.

Лионелла посмотрела в окно и спросила, безотносительно к тому, что увидела:

– У тебя что-то случилось?

– Почему ты задаешь этот вопрос? – поинтересовался Кирилл.

– Иначе бы ты не пришел.

– Всегда знал, что ты – ведьма. Поэтому на тебе не женился. – Он усмехнулся. – Сама посуди, как бы я тебе изменял?

– Мне ты бы не изменял, – сказала Лионелла. – Что тебе нужно?

– Откуда такая категоричность?

– Предпочитаю короткие дороги и простые решения. От пункта «А» до пункта «Б» – по прямой.

– Ты сильно изменилась. Ну, хорошо... – Кирилл Олышанский выпил остаток виски и отставил стакан. – Мне нужна твоя помощь.

– Деньги? – В глубине души у Лионеллы шевельнулось разочарование, тембр голоса сделался глуше и уже не звучал так чувственно-томно. – Сколько тебе нужно?

– Дура ты, Машка, хоть и Лионелла. Была дурой, дурой осталась. – Сказав эти слова, Кирилл направился к выходу.

– Стой, Кира! Стой! – Она догнала его, забежала вперед и схватила за лацканы пиджака, словно собиралась выяснить отношения. – Прости.

– Мне от тебя ничего не надо, – раздельно сказал он, глядя куда-то в сторону.

– Минуту назад было нужно, а теперь уже нет? – Лионелла напрасно ловила взгляд Кирилла. Он был неуловим.

– Теперь не хочу, – зло проронил Ольшанский.

Она решилась на крайность:

– В конце концов, мы не чужие!

Безжизненная невыразительная фраза переломила ситуацию. Кирилл сел на диван, облокотился на колени и запустил в волосы пальцы.

– Не знаю, что делать, Машка.

– Рассказывай, – она села рядом.

– Сегодня утром я говорил со следователем.

– Он сказал, чего от тебя хочет?

– Нет. Все – вокруг да около. Но я-то понимаю, к чему дело идет.

Лионелла призналась:

– У меня был с ним разговор.

– Обо мне?

– О тебе.

– Вот видишь...

– Что?

– Меня подозревают в убийстве.

– У Фирсова есть основания?

– Есть. – Кирилл опустил голову.

– Можешь не говорить. Ты был в номере у Шмельцова?

– Я ждал его после игры.
– Зачем? – удивилась Лионелла.
– Хотел обсудить одно дело.
– Какое?
– Не важно.
– Чего ж не пришел на игру?
– Ты знаешь, это не для меня. К тому же я опоздал.
– И что? Не дождался?
– Если бы...
– Послушай... – Лионеллу посетила догадка: – Григорий – голубой? Даже если так... Ты здесь при чем? Или я чего-то не знаю?

– Думай, что говоришь, – обозлился Кирилл.
Она безэмоционально заметила:
– Жизнь меняется. И люди, увы, тоже.
– Не до такой степени.
– Радостно... Вы поговорили?
– Нет.
– Почему?
– Шмельцов заперся в ванной.
– Зачем?
– Попробуй догадаться, – Кирилл язвительно усмехнулся. – За несколько минут несколько раз сработал сливной бачок.

Лионелла не обратила никакого внимания на его интонацию.

– Ну, хорошо... А потом?

– Я ушел, – язвительность Кирилла перешла в раздражение. – Во всей этой ситуации была какая-то двусмысленность. Мне стало неловко.

– Фирсов об этом знает?

– Шмельцов ему рассказал.

– О чем он тебя спрашивал?

– Деталей не помню, но поделюсь ощущениями – я видел рядом с собой акулий плавник.

– Испугался?

– Фирсов думает, что я причастен к убийству. Приехал, но играть не пришел. Спрашивается, зачем приезжал? Как объяснить ему, что я ни при чем? Ты должна мне помочь.

– Знаю, к чему ты клонишь, – догадалась Лионелла.

– Неужели? – он посмотрел на нее с вызовом.

– Я должна сказать Фирсову, что в Питер ты приехал ко мне?

– Бинго, – Кирилл с облегчением отвалился на спинку дивана.

– Планируешь использовать меня? Если помнишь – я за мужем.

– Иначе мне не спастись, денег на адвокатов нет.

– Куда они делись? – поинтересовалась Лионелла.

Кирилл опустил голову, покачал ею и внятно сказал:

– Можешь считать, что все деньги я отдал в приют для сирот и брошенных жен.

– Очень смешно...

– Давай так: да или нет. По счастливой случайности твой номер – рядом с номером Шмельцова. Клянусь, вчера я об этом не знал.

– Случайности... совпадения... – Лионелла задумчиво посмотрела в окно. – Не верю я в совпадения.

– Повторяю: об этом я узнал только сегодня.

– Кто сказал?

– Катерина.

– Похоже, ей известно все, что происходит в этом отеле.

– Она была у тебя?

– Утром забегала, чтобы сообщить, что Мишель Петухов ее бросил.

Кирилл замолчал, потом коротко заметил:

– Она уже в поиске. Только что видел – Катерина жестко охмуряет владельца отеля.

– С нее станется...

– И все-таки, – он перешел к делу, – ты мне поможешь?

Лионелла отрицательно покачала головой.

– В данной ситуации могу лишь навредить, – сказала она.

– Это отговорка? – Кирилл резко встал. – Могла бы честно сказать: не хочу.

– Если сядешь, я все объясню.

Он сел, и Лионелла продолжила:

– Ты не знаешь подробностей вчерашней истории.

– Откуда мне знать...

– Дело в том, что убийцы и убитый попали к Шмельцову через мой номер.

– Не понимаю...

– Я тоже не понимаю, но все говорит об этом.

– Зачем? Не проще ли было...

– Не нам судить, как проще убивать человека. Вероятно, у них был свой продуманный план.

– Боже мой! – Кирилл вскочил и нервно заходил по комнате. – Боже мой! Как хорошо, что я не сказал Фирсову! – Он бросился к Лионелле: – Машка! Ты – мой ангел-хранитель!

– Ангел или ведьма? – уточнила она.

– Не цепляйся за слова! – Кирилл обнял ее. – Как ты знаешь, от ненависти до любви – и обратно...

– Двадцать лет жизни, – грустно проронила она.

Из-за коридорной послышался настойчивый женский голос:

– Лионелла! Вы здесь?

Высвободившись из объятий Кирилла, Лионелла открыла дверь и увидела съемочную группу с аппаратурой. Впереди стояла телеведущая Жанна Калмыкова, длинноволосая блондинка с глазами навывкат.

– Мы стучали, – заговорила она. – Но вы не слышали. Всего несколько слов для передачи «Светская жизнь».

– Мне сейчас некогда, – сказала Лионелла. – Давайте в другой раз.

Судя по незаинтересованному виду оператора и по тому,

как неподвижно он держит камеру, Лионелла сообразила: ее снимают. Она безотчетно обернулась, увидела Кирилла и поняла, что он попал в кадр.

Глава 5

Хочется – перехочется

– Я – Лионелла Баландовская, живу в триста двенадцатом. Скажите, в какой номер переехал мой сосед Григорий Шмельцов?

Вопрос был задан портье, но оформлявшийся у ресепшена постоялец вмешался:

– Прошу меня извинить... Вы правда та Баландовская?

– Что значит – та? – недоуменно бросила Лионелла и снова обратилась к портье: – Повторяю, мой сосед Григорий Шмельцов сменил номер. Он жил в триста десятом, а теперь...

– ...живет в триста третьем, – услужливо подсказал портье.

Не отрывая глаз от Лионеллы, постоялец сказал:

– Боже мой, сама Баландовская...

Лионелла приняла эффектную позу. В облегающем брючном костюме, со стянутыми в хвост волосами, она была похожа на Лару Крофт¹.

– Очень приятно, что вы узнали меня.

– Я вырос на ваших фильмах! – Не заметив перемены в ее лице, молодой человек задал ненавистный вопрос: – Когда

¹ Вымышленный персонаж, героиня фильма и компьютерных игр.

выйдет ваш новый фильм?

Лионелла ответила холодно, но все же любезно:

– Я больше не снимаюсь.

Она отправилась к лифту, вошла в кабину и едва дождалась, пока закроется дверь. Там выдохнула и зло проронила:

– Сопляк.

Дверь триста третьего номера открыл незнакомый мужчина в черном костюме.

– Что вам нужно?

– Здесь живет Григорий Шмельцов?

– Чего вы хотите?

Лионелла властно повысила голос:

– Позовите его!

– Это исключено.

– Почему?

– Всего хорошего... – мужчина стал закрывать дверь.

– Минуточку, – так же как Лара Крофт, она сунула в щель ногу.

– Что вы делаете?! – возмутился незнакомый мужчина.

– Мне нужен Шмельцов. Или я увижу его, или сейчас же вызову полицию. В конце концов, кто вы такой?

– Я – адвокат Григория Дмитриевича.

– Что здесь происходит? – из-за его спины показался еще один человек в черном костюме. Увидев Лионеллу, он громко сказал: – Никаких встреч и разговоров не будет!

Она убрала ногу, и дверь тут же захлопнулась.

Было досадно от того, что Кирилл не пришел в ее номер позже. Тогда ей бы не пришлось разыскивать Шмельцова и выведывать, о чем он хотел сказать. Речь шла о платье. О ее зеленом, расшитом стеклярусом платье, в котором она сама себе казалась русалкой и которое потом натянули на мертвого мужика.

– Сама себе казалась русалкой, – повторила она вслух и подумала, что за сегодняшний день уже второй раз речь идет о русалках. Утром – в интернетной статье про Петров день, теперь – в связи с ее платьем.

Но что делать, если у нее такие зеленые глаза, а расшитое стеклярусом платье гладко облегалo фигуру. Еще этот шлейф, похожий на русалочий хвост...

Пришло время обеда. Лионелла не хотела ехать в другое место, а решила пообедать в отеле. Ей казалось, что все самое интересное сосредоточилось здесь. Никогда в жизни она бы не отказалась от этой захватывающей и опасной игры.

Вернувшись в номер, Лионелла переоделась в светло-серое платье на тонких бретелях из прошлогодней коллекции Роберто Кавалли. Платье было не новое, и, по-хорошему, его место было в шкафу-отстойнике барвихинского дома, но она любила его за невесомость. В нем Лионелла чувствовала себя легкой и молодой.

К платью подобрались желтые туфли на чуть заметной платформе и шелковый палантин – на плечи. Лионелла не переносила кондиционеров и едва попадала в зону их дей-

ствия – тут же простужалась.

Небольшое путешествие – дорога до ресторана через коридор, холл и оранжерею – заняло пять минут. Невозможно было представить, что посреди пыльного, плотно застроенного города существовал такой оазис роскоши, комфорта и зелени.

В обеденном зале ресторана Лионелла увидела Егора Петровича Фирсова. Он пил эспрессо, был свеж и выбрит.

– Прошу вас, присаживайтесь... – следователь встал из-за стола и выдвинул стул.

Еще минуту назад Лионелла ни с кем не собиралась делить свой обед, но тем не менее села.

– Выглядите лучше, чем утром, – обронила она.

Взявшись за подбородок, будто проверяя себя на небридность, Фирсов улыбнулся:

– Мне удалось поспать. Два часа оказалось достаточно.

– Какой у вас вес? – спросила Лионелла.

Поперхнувшись, следователь недовольно повел головой:

– Зачем это вам?

– Мужчине с вашим ростом и весом нужно следить за режимом сна и питания.

– Знаете, если бы я говорил с вами впервые, то подумал бы, что вы полная дура. – Потеряв над собой контроль, Фирсов взбесился. – О каком режиме вы говорите? Я – следователь. Вчера здесь убили человека, и между прочим, не без вашего косвенного участия!

– Обращаю ваше внимание, что я поучаствовала в убийстве своим платьем. – Лионелла ответила ему с той же взбешенностью. – Оно, кстати, немалых денег стоит! Еще у меня пропал телефон. Так что переводите меня в категорию потерпевших. Я пострадала.

– Платье пожалели... А человека не жалко?

– Жалко. Но, к счастью, я не была с ним знакома. Кстати, вы установили личность убитого?

– Да, мне уже доложили.

Непонимание и злость вмиг улетучились, Лионелла придвинулась к столу и с любопытством спросила:

– Кто такой?

– Мальчик по вызову. И это – с большой натяжкой.

– Не понимаю.

– Ему было тридцать два года. Какой из него мальчик?

– По-вашему, это старость? – Лионелла почувствовала себя уязвленной. – Вам самому сколько лет?

– Сорок восемь. Рост – метр девяносто пять. Вес – сто двенадцать килограммов. Удовлетворены?

– Вполне. – Ограничившись лаконичным ответом, Лионелла надеялась что-нибудь разузнать, но в этот момент подошел официант, и ей пришлось сделать заказ.

Еду им принесли одновременно. Ведь, как известно, дорогой ресторан отличается от прочих не столько интерьером и кухней, сколько лоском и вниманием к мелочам.

– А позвольте вопросец?.. – спросил Фирсов.

Лионелла оторвалась от еды:

– Какой?

– Сколько вам лет?

Она опустила голову:

– У вас есть протокол допроса. Там наверху, в шапочке, стоит мой год рождения.

– Как вы сказали? – Фирсова буквально перекосило от смеха.

– В шапочке... Что в этом смешного?

– Все!

– И как, по-вашему, называется то, о чем я сказала? – она не решилась повторить слово «шапочка».

– То, о чем вы говорите, называется общей информацией. Можно назвать шапкой, но уж никак не шапочкой.

– В следующий раз, когда кого-нибудь убьют и мне придется давать показания, я это учту.

– Типун вам на язык. Так как насчет моего вопроса?

– Все – в протоколе.

– Было бы смешно, если бы я сейчас вывалил на стол все бумаги.

– Сорок два...

– Что?

– Мне сорок два года... – повторила она.

– В самом деле? – Фирсов откровенно ее разглядывал. – Мне казалось – намного меньше.

– Это комплимент?

– Только не считайте, что я с вами заигрываю.

– Вовсе нет. Насколько я понимаю, все в интересах следствия.

– Ну... Где-то так.

Уловив неуверенность в его ответе, Лионелла не преминула этим воспользоваться:

– На месте преступления нашли улики?

– Вы будете удивлены – пистолет.

– Как неожиданно...

– И не только для вас.

– О чем это говорит?

– В каком смысле? – серьезно спросил Фирсов.

– Знаете, как обычно в детективах: «почерк дилетанта» или «опытные преступники не допускают глупых промахов». Как там еще...

– К вечеру будет установлена его родословная. Если, конечно, он есть в следотеке.

– Боже мой, как интересно! – Лионелла сняла с плеч палантин и повесила его на спинку соседнего стула, отдавая себе отчет в том, что, во-первых, она может простудиться, во-вторых, ее оголенные плечи будут замечены.

Провокация возымела обратный эффект. Фирсов уткнулся в тарелку и стал размеренно есть. Тогда Лионелла спросила:

– А если пистолета нет в следотеке?

– Тогда будем искать.

– Только и всего?

Он поднял глаза:

– Знаете, что мне в вас нравится? Вы не строите из себя перепуганного зайчонка. Вы – взрослая, уверенная в себе женщина. Вы – волчица.

– Даже не понимаю, стоит ли на вас обижаться...

– Не стоит, – заверил ее следователь.

Она заглянула в его тарелку и, не сдержавшись, заметила:

– Как можно есть мясо с картошкой...

К счастью, Фирсову в этот момент позвонили, он спешно доел и, попрощавшись, ушел.

Пересекая оранжерею, Лионелла чуть не угодила в объятия Полторацкой, когда та неожиданно вынырнула из зарослей теплолюбивых растений.

– Очень кстати, – Лионелла задержалась, чтобы перекинуться парой вопросов. – Милена, устрой мне встречу с Порфирием.

– Чего это вдруг? – с деланным удивлением спросила Полторацкая. – Еще утром ты удивлялась, зачем он мне нужен.

– Не вредничай, Милена, я в долгу не останусь.

– Ладно, поговорю. А там уж как он сам решит.

– Только не затягивай. Я скоро уеду.

– Мы тоже здесь не задержимся, – заверила ее Полторацкая.

На выходе из оранжереи Лионеллу подстерегла Катерина:

– Ты говорила с ней?

– С кем именно?

– С Полторацкой.

– Ну, говорила.

– Устрой мне встречу со старцем!

– Боюсь, это не в моих силах. Она чрезмерно опекает его.

По крайней мере, мне отказала.

– Давай предложим ей денег!

– Полторацкой? – Лионелла с улыбкой взглянула на Катерину. – У нас столько нет. Не стоит забывать, кто у нее муж.

– Что же мне делать?

– Очень хочется? – осведомилась Лионелла.

– Очень!

– От этого есть одно верное средство. В детстве мы говорили: хочется – перехочется. И ты знаешь, нам всегда помогал.

– Какая ты язва! Я к тебе по дружбе за помощью, а ты...

– Что-то я не помню, чтобы мы с тобой когда-то дружили.

– Ты не язва... Ты – гадина! – Катерина отправилась прочь, оглядываясь и все еще огрызаясь.

Глава 6

Смоки айс

Макияж в стиле «смоки айс» не делал ее моложе, но эффектнее – да. Лионелла была довольна: зеленые глаза в серой дымке, укладка в стиле тридцатых, красная помада. Осталось выбрать наряд. Это утомительное, но благодарное дело являлось завершающей нотой в симфонии сияния ее красоты (глупая, напыщенная фраза, но она как никакая другая держала ее в тонусе и не позволяла халтурить).

Лионелла добросовестно примеряла платья, пока в девятнадцать ноль пять ей не позвонил хозяин отеля Терсков:

– Добрый вечер, как и договорились, жду вас внизу. – По телефону голос Терскова был хорош – баритон с мягкими переливами. И, если бы Лионелла не видела его, воображение нарисовало бы ей бог знает кого.

Она бодро ответила:

– Буду через десять минут.

По счастью, в тот момент на ней было черное кружевное платье с плиссированной шифоновой юбкой. Взглянув на себя в зеркало, Лионелла решила остаться в нем. Красиво декольтированная спина компенсировала пуритански закрытую грудь. Полупрозрачная юбка показывала красивые ноги. Еще пять минут, и были выбраны туфли – черные, с откры-

тым носком и камнями цвета рубина.

В семь тридцать она спустилась в лифте на первый этаж. Измученный Терсков ждал ее в холле. Увидев Лионеллу, он оживился:

– Я очарован!

– Прошу прощения, Петр, я такая копуша.

– Готов был ждать до утра.

– До утра – не надо, – уверенно заключила она. – Куда поедем?

– В одно хорошее место, – загадочно проронил Терсков.

Швейцар широко распахнул перед ними дверь. Выйдя на улицу, Лионелла тут же столкнулась с Жанной Калмыковой, за которой в полной готовности стояла вся ее группа.

– А мы как раз снимаем общие планы. Пожалуйста, несколько слов для «Светской жизни». Вы, как я слышала, первой обнаружили труп? – Жанна протянула микрофон и выжидательно замолчала.

Лионелла встала полубоком, чтобы на записи казаться стройнее. Кто-кто, а она знала, что телевидение прибавляет пару размеров. Потом опустила голову – такой ракурс был оптимальным для ее типа лица.

– К сожалению, ничего не могу сказать, милая Жанна. В настоящий момент проводятся следственные действия, и у меня нет никакой информации.

Жанна профессионально отдернула от нее микрофон и посмотрела в камеру:

– Надеюсь, телезрители узнали популярную актрису кино Лионеллу Баландовскую. Мы знаем ее по фильмам «Останься, если любишь», «Вверх по течению», «Красивая девочка» и... – припоминая названия, Жанна замолчала.

Лионелла прервала повисшую паузу:

– На самом деле их было не много.

– Скажите, Лионелла, вам известно имя убийцы?

– Нет, его пока не нашли.

– Вас уже допрашивали?

– Я дала показания.

– Вас в чем-то обвиняют?

– Что за дичь? С чего вы взяли? – Лионелла Баландовская улыбнулась белоснежной улыбкой.

– Есть сведения, что в деле замешан внук кинорежиссера Ефима Олышанского.

У Лионеллы резко испортилось настроение:

– Это неправда. Прощайте, мы уезжаем.

Терсков забежал вперед и открыл перед ней дверцу. Она проскользнула на заднее сиденье, он устроился рядом, и водитель тронул машину.

Оглянувшись, Лионелла заметила, что оператор все еще снимает их на камеру.

– Вот ведь проныры, – вздохнул Терсков. – Велел не пускать их в холл, так они караулят на улице.

– Жанна, кстати, приехала на игру к Шмельцову и живет на втором этаже.

– С этим ничего не поделать. – сокрушенно вздохнул Терсков. – Надеюсь, вы понимаете, как это убийство может повлиять на репутацию моего отеля.

– Мне очень жаль... – После этих слов Лионелла замолчала надолго.

Ресторан, в который они приехали, располагался за городом и был похож на резиденцию небедного человека. Лионелла сразу поняла, что Терсков здесь хозяин.

– Мой новый проект, – сказал он, когда они уселись за стол.

– Поздравляю. Здесь очень мило.

– Заранее заказал все самое лучшее. Кому, как не мне, это знать.

Официант принес и установил на стол огромный букет.

– Вам! – сказал Петр, однако Лионелла сразу решила для себя, что не станет брать эту махину в отель.

– Интересный у вас бизнес, – ей надо было поддержать разговор.

– Пришлось начинать с азов.

– Как и в любом деле...

Похоже, разговор заходил в тупик, но именно в этот момент Лионелле пришла счастливая мысль:

– В отеле есть видеонаблюдение?

Терсков покачал головой:

– Это нарушает нашу концепцию: домашняя гостиница для близких людей. Вы же не станете устанавливать камеры

в собственном доме и наблюдать за мужем или детьми?

– Отчего – нет, – сказала Лионелла. – Иногда это полезно.

– Неужели практикуете? – удивился Терсков.

– У нас нет детей, но камеры в доме стоят, как и в московской квартире. А в вашей концепции есть опасные бреши.

– Какие, например? – с обидой спросил Терсков.

– Будь у вас камеры наблюдения, убийцу бы тотчас нашли.

– Не думаю, – он покачал головой. – Убийства происходят повсюду, в том числе там, где есть видеокамеры. Умный преступник не оставляет следов.

– Хочу вас порадовать, на этот раз все же оставил, – сказав это, Лионелла прикусила язык, поскольку не была уверена, может ли об этом рассказывать.

– Неужели? – заинтересовался Терсков.

– Вам как владельцу отеля должно быть все известно.

– К моему большому сожалению, это не так. Хотелось бы уточнить насчет следов, которые оставил убийца.

Лионелла взялась за бокал:

– А я бы не отказалась выпить вина...

Он подозвал метрдотеля:

– Пусть принесут вина, и поторопи там на кухне.

Вскоре их стол уставили разнообразной едой. Лионелла подошла к заказу избирательно, поскольку у нее всегда были свои предпочтения. Взглянув на целиковую тушку курицы, Лионелла поморщилась.

Терсков прокомментировал:

– Запеченная в печи с черносливом и яблоками с панировкой из грецких орехов.

– С детства не переношу куриное мясо. Бабушка заставляла есть куриную лапшу. С тех пор даже запах вызывает у меня тошноту.

Терсков подозвал официанта и велел унести блюдо с курицей. Взглянув на Лионеллу, встревоженно спросил:

– Что такое?

Она сосредоточенно приняхивалась.

– Я не понимаю. – Терсков поднялся со стула и заботливо склонился над ней. – Вам плохо?

– Нет-нет... У меня обостренное восприятие. Постоянно возникают ассоциации, связанные с запахами, цветами, словами... Короче, все очень сложно, и мне трудно вам объяснить.

– Вы – удивительная! – восхитился Терсков. – Умная, талантливая, настоящая женщина. – Немного помолчав, он прошептал ей на ухо: – Взрослая, опытная и страстная.

Она проронила:

– А вот это вы напрасно сказали.

– Простите. Дал волю фантазии, – он ретировался и сел на свой стул.

– Но по большому счету вы правы, – проговорила она.

– Ух, ты...

– Только не рассчитывайте, что сможете это проверить.

– Чувствую себя мальчишкой. Вы – властная и немного

жестокая. У вас русалочий взгляд. О такой женщине, как вы, мечтает каждый мужчина.

– Хотите, чтобы я сказала вам, что вы – плохой мальчик?

Терсков мгновенно вспотел и отвел глаза в сторону:

– Я – очень плохой.

– Мне этого не узнать. – Сказав так, Лионелла на корню пресекла дальнейшие попытки перевести разговор в сексуальное русло. Поманила бедного Петю, поманежила и щелкнула по носу.

Тактика была ей знакома.

По окончании ужина, когда Лионеллу привезли к отелю, Терсков вышел из машины и холодно сказал:

– Спасибо за вечер.

Она провокационно заметила:

– Вы забыли сказать – приятный.

– Если хотите... – не договорив, он вытащил телефон и, вслушавшись, крикнул: – Что?! Когда?!

Не простившись и не объяснив, что случилось, Терсков забежал в отель и скрылся в глубине холла.

Когда туда вошла Лионелла, к ней бросилась Катерина. Забыв обиды и недавнюю ссору, она быстро заговорила:

– Что здесь творится... Ужас! Я завтра уезжаю.

Лионелла сказала:

– Пожалуйста, объясни.

– Шмельцов...

– Что?

- Шмельцов хотел убежать.
- Зачем ему это? Он под подпиской. С ним – его адвокаты.
- Бежал! И, главное, как!
- Да говори же ты, Катерина!
- Как Джеймс Бонд, вылез через окошко на крышу.
- Ты говоришь про Шмельцова?
- Про кого же еще!
- Ему почти шестьдесят.
- В том-то и дело!
- Жив?

Катерина кивнула:

– Ему сильно повезло: когда падал, зацепился за балкон второго этажа. Я вышла посмотреть. До него метра четыре, не больше. В результате – перелом правой ноги.

- Где он сейчас?
- Его увезли на «Скорой».
- В больницу?
- Думаю – да. – Прислушавшись, Катерина спросила: –

Твой или мой?

- Что? – не поняла Лионелла.
- Телефон.

Раскрыв сумочку и взглянув на дисплей, Лионелла Баландовская сказала:

- Это – мой Лев, – и отключила телефонный звонок.

Глава 7

Под подпиской

Лионелла перезвонила мужу только наутро:

– Прости, что не ответила.

– Спала? – спросил Лев.

– Нет. Просто поздно вернулась. Не было сил.

– У тебя все хорошо?

– Да, вполне.

– В Москву когда собираешься?

– Пока не определилась.

– Ну, если что – звони.

– Ты – как? – запоздало поинтересовалась она, но Лев уже положил трубку.

Из ванной Лионеллу вытащил громкий стук в дверь. Она была готова поклясться, что стучат кулаком или ногой.

В бешенстве распахнув дверь, она даже не вспомнила, что на ней только футболка.

Тому, кто ворвался в номер, тоже было плевать.

– Дайте ваш телефон! – Фирсов не удостоил Лионеллу приветствием.

– Ценю вашу любезность. – Она взяла портсигар, достала сигарету и воткнула ее в мундштук, но Фирсов выхватил и то и другое:

– Не выношу табачного дыма!

– В таком случае, – Лионелла подарила ему самую издевательскую улыбку из своего арсенала, – крылатое выражение: вот бог, а вот – порог. Впрочем, любопытно узнать, чего еще вы не выносите?

– Вруш и врунов! – яростно ответил он. – Садитесь и слушайте! Тот самый мальчик по вызову был вызван женщиной с вашего телефона. Его специализация – женщины в возрасте. Он шел в триста двенадцатый.

– Это мой номер... На что вы намекаете? – возмутилась Лионелла.

– Я не намекаю, а спрашиваю: где ваш телефон?

Лионелла прошла в спальню и вскоре вернулась оттуда, не забыв надеть шорты.

– Вот! – она протянула два аппарата.

Поочередно позвонив с каждого из них на свой телефон, Фирсов швырнул мобильники на диван:

– Это не те!

– Третий я потеряла. – В голосе Лионеллы не было прежней уверенности. – Не исключаю, что он был украден.

– Не врите мне! – Фирсов покачал головой и сузил глаза. – Не советую.

– Прекратите меня запугивать!

– Когда вы видели свой телефон в последний раз?

– В день, когда состоялась игра.

– Время?!

– Да не орите же вы! Неужели не видите, что мне уже страшно?

Услышав ее слова, Фирсов чуть успокоился:

– Давайте по порядку...

– Давайте, – она взяла один из своих телефонов и стала звонить.

– Супругу? – издевательски поинтересовался следователь.

– Перестаньте паясничать... Звоню на свой телефон.

Фирсов обескураженно замер:

– А вы до сих пор не звонили?

– Нет.

– Но вы же его искали?

– Искала...

– И не звонили?

– Нет.

– Почему? – Было видно, что Фирсов не верит своим ушам.

– Почему-почему! Забыла!

Растерев рукой мощную шею, он покачал головой:

– Дурдом на воскресном выезде.

– Вне зоны... – сказала Лионелла.

– Что? – казалось, Фирсов потерял всякий интерес к выяснению обстоятельств.

– Телефон отключен.

– Знаю. Первое, что я сделал, позвонил.

– В таком случае вы намного умнее, – огрызнулась Лио-

нелла и, взорвавшись, воскликнула: — В конце концов, может человек что-то забыть!

— Если этот человек — женщина, может.

— Вы женоненавистник? — поинтересовалась она.

— Некогда мне с вами... — Фирсов повторил вопрос: — Когда вы пользовались своим телефоном в последний раз?

— В день игры.

— До или после нее?

— До.

— Ну, предположим. В таком случае меня интересует, где вы находились в девятнадцать часов.

— В день игры?

— Именно так.

— Я была на игре. За моим столом сидели еще двое: Катерина Петухова и Марго Никодимцева.

— Куда-нибудь выходили?

— Кажется, в туалет.

— Это было в одиннадцать десять.

— Вам и это известно?

— А как вы хотели?

— В таком случае Катерина вам сообщила, что около семи я выходила на улицу.

— Зачем?

— Покурить и подышать свежим воздухом.

— Вас кто-то сопровождал?

— Да.

– Кто? – следователь вытащил ручку и щелкнул ею, собираясь что-то записывать.

– До двери меня проводил швейцар.

– Издеваетесь... – он опустил голову. – Тогда вот что я вам скажу: я не верю ни единому вашему слову и подозреваю вас в соучастии. – Он с вызовом посмотрел ей в глаза: – Как вам такой расклад?

– Бред сивой кобылы, – она больше не стеснялась в выражениях. – Я заказала мужчину по вызову, чтобы нарядить в свое новое платье, а потом пристрелить в смежном номере?

– Не исключаю, что у вас были сообщники. Убийство произошло ближе к полуночи. В тот момент вы сидели с подругами на веранде.

– С заклятыми подругами, – добавила она. – Принимая во внимание тот объем информации, который вы от них получили.

– Скажи мне, кто твой друг...

– И я скажу, что ты такая же сволочь, – продолжила Лионелла. – Тема – неубиваема.

– О чем это вы?

– К слову о крылатых, но бессмысленных фразах.

– Дались вам они!

– Значит, вы считаете, что телефон после звонка был мною выброшен?

– Я предполагаю.

– А как вы оцените тот факт, что это был золотой Vertu?

– Его цвет мне ни о чем не говорит.

– Тогда поговорим о цене.

– Ну, и?..

– Тридцать пять тысяч.

– Рублей?

– Долларов.

– Та-ак... – Фирсов замолчал.

– Из трех имеющихся телефонов для вызова альфонса я выбрала тот, что дороже, чтобы потом его выбросить?

– Я так не думаю, – он упрямо набычился и высказал мысль, которую Лионелла никак не ожидала услышать: – Конечно, я не верю, что вы соучастница. Но вы должны доказать... обосновать... что не вызывали альфонса.

– Ка-а-ак именно?! – Лионелла взвыла от возмущения.

– Я не знаю! – Фирсов направился к двери, но, не доходя до нее, обернулся: – С этой минуты вам запрещено выходить из отеля.

– Я под подпиской о невыезде?

– Считайте, что так.

Когда за Фирсовым захлопнулась дверь, Лионелла растерянно прошла по номеру, прикидывая, стоит ли плакать. В результате она завила кудри, накрутила, выбрала креп-жоржетовое платье салатного цвета, дополнив свой наряд кружевными балетками.

В таком летнем, курортном виде она вышла к завтраку. Катерина прошла мимо ее столика и села поодаль. То ли от

гордости, то ли от разочарования, Лионелла заказала капучино с двойным сахаром. Однако в этот момент к ней подсел Кира Ольшанский.

– Завтра я уезжаю...

– В Москву? – она подняла глаза и посмотрела на него задумчивым взглядом.

– Что-то не так? – Ольшанский, как и прежде, чувствовал ее, как никто другой.

– Убитого мужика вызвали с моего телефона.

– Бред какой-то...

– Так что лучше бы тебе со мной не говорить. Нас могут принять за сообщников...

– Бред.

– Я под подпиской.

– В таком случае мне лучше остаться.

– Нет, лучше уезжай. Ты знаешь, что случилось с Григорием? Не понимаю, зачем он бежал...

– Думаю, испугался. – Ольшанский подозвал официанта: – Сок апельсиновый принесите!

– Испугался? – Лионелла медленно обвела взглядом зал. – Но кого?

– Откуда мне знать. Но уж точно не полицейских. Я, кстати, был сегодня в участке...

– Зачем?

– Сдавал отпечатки, или, как они говорят, пальчики. Унизительная процедура, не думал, что когда-нибудь придется

через это пройти.

– В номере Шмельцова нашли пистолет.

– Что? – Кирилл Ольшанский застыл в неудобной позе.

– Пистолет, из которого застрелили того человека.

– Это доказано?

– Следователь не сказал.

Когда принесли сок, Лионелла улыбнулась знакомому официанту и перевела взгляд на Кирилла. Его лицо застыло в гримасе отчаяния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.